

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ ВОРОТА, ВАРОТЫ, 门/大门 И ДВЕРЬ, ДЗВЕРЫ, 门/户/门户 КАК ЧАСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Н. С. ПРОТАСЕНЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Излагаются результаты лингвокультурологического анализа единиц, реализующих архитектурный код культуры в русском, белорусском и китайском языках. Материалом исследования послужили фразеологизмы с компонентами *ворота*, *вароты*, 门/大门 и *дверь*, *дзверы*, 门/户/门户, извлеченные из двенадцати фразеологических словарей. Предлагается классификация фразеологических единиц, в которой они сгруппированы на основании семантических признаков, восходящих к онтологическим качествам ворот (дверей), а также закодированных в образе ворот (дверей) сущностей, явлений и ценностей. В рамках исследования данной группы фразеологических единиц выявляются типологические сходства и различия реализации архитектурного кода в трех лингвокультурах.

Ключевые слова: код культуры; архитектурный код; лингвокультурологический подход; фразеологические единицы; символ; ворота; дверь.

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМΠΑНЕНТАМІ ВОРОТА, ВАРОТЫ, 门/大门 І ДВЕРЬ, ДЗВЕРЫ, 门/户/门户 ЯК ЧАСТКА АРХІТЭКТУРНАГА КОДА КУЛЬТУРЫ

Н. С. ПРАТАСЕНЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Прыводзяцца вынікі лінгвакультуралагічнага аналізу адзінак, якія рэалізуюць архітэктурны код культуры ў рускай, беларускай і кітайскай мовах. Матэрыялам даследавання паслужылі фразеалагізмы з кампанентамі *ворота*, *вароты*, 门/大门 і *дверь*, *дзверы*, 门/户/门户, узятыя з дванаццаці фразеалагічных слоўнікаў. Прапануецца класіфікацыя фразеалагічных адзінак, у якой яны згрупаваны на падставе семантычных прымет, што ўзыходзяць да анталагічных якасцей варот (дзвярэй), а таксама закадзіраваных ў вобразе варот (дзвярэй) сутнасцей, з'яў і каштоўнасцей. У рамках даследавання дадзенай групы фразеалагічных адзінак выяўляюцца тыпалагічныя падобнасці і адрозненні рэалізацыі архітэктурнага кода ў трох лінгвакультурах.

Ключавыя словы: код культуры; архітэктурны код; лінгвакультуралагічны падыход; фразеалагічны адзінкі; сімвал; вароты; дзверы.

Образец цитирования:

Протасеня НС. Фразеологизмы с компонентами *ворота*, *вароты*, 门/大门 и *дверь*, *дзверы*, 门/户/门户 как часть архитектурного кода культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;1:66–75.
EDN: BKHVHW

For citation:

Protasenia NS. Phraseologisms with the component *ворота*, *вароты*, 门/大门 and *дверь*, *дзверы*, 门/户/门户 as a part of architectural code of culture. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;1:66–75. Russian.
EDN: BKHVHW

Автор:

Нина Сергеевна Протасеня – старший преподаватель кафедры китайского языка филологического факультета.

Author:

Nina S. Protasenia, senior lecturer at the department of Chinese philology, faculty of philology.
nlnaprotasenia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0009-6199-0160>

PHRASEOLOGISMS WITH THE COMPONENT ВОРОТА, ВАРОТЫ, 门/大门 И ДВЕРЬ, ДЗВЕРЫ, 门/户/门户 AS A PART OF ARCHITECTURAL CODE OF CULTURE

N. S. PROTASENYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article presents results of linguocultural units analysis, implementing the architectural code of culture in the Russian, Belarusian and Chinese languages. The material for the study is based on phraseological units with the *ворота, вароты, 门/大门* and *дверь, дзверы, 门/户/门户* components, extracted from twelve phraseological dictionaries. An author proposes classification of phraseological units, where they are grouped basing on semantic features that go back to the ontological qualities of gates (doors). Within the framework of the units phraseological group study typological similarities and differences in the implementation of the architectural code in three linguistic cultures have been identified.

Keywords: culture code; architectural code; linguoculturological approach; phraseological units; symbol; gate; door.

Введение

Одним из базовых лингвокультурологических понятий является культурный код, комплексный анализ которого представлен в трудах Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, О. А. Лещинской, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. М. Савицкого, В. Н. Телия и других ученых. В парадигме лингвокультурологии этот термин трактуется как «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [1, с. 9]. Кодирование культурного пространства носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса. Наиболее ярко культурные смыслы проявляются в таких единицах языка, как фразеологизмы, которые соотносятся со знаками и текстами культуры (символами, эталонами, мифами, ритуалами и т. п.), образующими коды культуры. Некоторые из кодов, например телесный [1], кулинарный¹, вещественный², акциональный³, уже хорошо изучены и описаны. Часть работ выполнена в рамках сопоставительных исследований на материале разных языков⁴. Китайско-русские соответствия в реализации телесного кода описаны достаточно подробно⁵. Проведен комплексный лингвокультурологический анализ языковых единиц со значением ‘время’ в русской языковой картине мира на фоне китайского языка⁶.

Архитектурный код, который занимает в культуре одно из центральных мест, включает в себя наименования строений и их частей, несущие функционально значимые для культуры смыслы. В то же время архитектурный код относится к числу малоизученных разновидностей кодирования культурных феноменов. Работы, в которых так или иначе затрагиваются проблемы, связанные с изучением и описанием данного кода культуры в языке, отражают в основном два ракурса видения объекта: лингвокультурологический и лингводидактический. Анализ ключевых компонентов в составе фразеологизмов, соотносимых с архитектурным кодом культуры, раскрытие их символической природы происходят в рамках лингвокультурологического подхода [2; 3]. В результате исследования русской и китайской фразеологии были выявлены основные семантические, коннотативные и символические смыслы, значимые для паремий, вербализующих стереотипные представления о жилище, его частях и дворовых постройках (Ван Исюань)⁷. Описание единиц архитектурно-домоустроительного кода актуально и с точки зрения лингводидактики. Так, в работах О. В. Макаровой отражено словарное и лингводидактическое описание единиц этого кода в интересах преподавания русского языка в иностранной аудитории⁸.

¹Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Томск, 2012. 176 с.

²Чжоу Юеминь. Вещественный код русской лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2019. 172 с.

³Бе Чуньхун. Средства выражения акционального кода в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2020. 233 с.

⁴Сарач Хакан. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2016. 191 с. ; Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. М., 2009. 431 с.

⁵Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 2004. 187 с.

⁶Лян Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода: на фоне китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2008. 175 с.

⁷Ван Исюань. Стереотипные представления о жилых и дворовых постройках в русских паремиях на фоне китайских: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5. СПб., 2004. 300 с.

⁸Макарова О. В. Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоустроительного кода русской лингвокультуры в целях преподавания русского языка как иностранного : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2010. 193 с.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена как растущим вниманием лингвокультурологов к проблеме кодирования и декодирования культурной информации в языковом знаке, так и недостаточной изученностью архитектурного кода в рамках сопоставительного языкознания.

Цель статьи – выявить типологические сходства и национальную специфику реализации архитектурного кода культуры в русских, белорусских и китайских фразеологизмах (включая паремии) с компонентами *ворота*, *вароты*, 门/大门 и *двери*, *дзверы*, 门/户/门户. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи: определение характерных черт корпуса фразеологизмов, репрезентирующих архитектурный код в трех лингвокультурах (сформирован на основе сплошной выборки из фразеологических словарей); выявление национально-культурных коннотаций фразеологизмов, в которых проявляются культурные смыслы в виде представлений, знаний и ассоциаций, и соотнесение их с символами, эталонами, стереотипами и другими культурными знаками (обычаями, ритуалами и т. п.) русского, белорусского и китайского языков; рассмотрение системы устойчивых представлений, содержащих архитектурные образы в качестве эталонов сравнения при метафорической номинации различных явлений действительности; лингвокультурологический анализ и типологизация исследуемых фразеологизмов на основе их принадлежности к семантическим группам; выявление в отобранных единицах культурно-специфических значений, характерных для русского, белорусского и китайского языкового сознания.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 143 русских, 73 белорусских и 427 китайских фразеологических единиц, содержащих лексемы *ворота*, *вароты*, 门/大门⁹ и *двери*, *дзверы*, 门/户/门户¹⁰. Ввиду особенностей лексической системы китайского языка при отборе материала необходимо было учитывать композиты, где единица 门 ‘ворота, дверь’ участвует в формировании метафорической семантики (например, 朱门 ‘богатый дом’ (букв. ‘красные ворота’), 后门 ‘лазейка, черный ход’ (букв. ‘задняя дверь’)).

В процессе количественной обработки материала лексические и грамматические варианты рассматривались в рамках одной фразеологической единицы на основании тождества значения и единства внутренней формы: *открывать* (*раскрывать*, *распахивать*), *открыть* (*раскрыть*, *распахнуть*) *дверь* (*двери*); 蓬户瓮牖 (букв. ‘дверь из соломы, окна из битой черепицы’), 蓬户茅牖 (букв. ‘дверь из соломы, окна из тростника’). При интерпретации изучаемых единиц применялись общелингвистические методы обобщения и классификации, элементы количественного анализа, а также специальные лингвистические методы (лингвокультурологический, компонентный и сравнительно-сопоставительный анализ).

В данном исследовании мы ориентируемся на основные принципы словарного описания фразеологических единиц, разработанные коллективом авторов издания «Большой фразеологический словарь русского языка» [4]. Так, при описании отобранных единиц мы применяли следующие процедуры: анализ толкования семантики фразеологических единиц в словарях; культурологическое комментирование (фразеологизмы в целом и их отдельные компоненты рассматриваются в аспекте соотнесенности с древнейшими пластами культуры (мифологическими представлениями об устройстве мира, конкретными текстами мифов, архетипическими противопоставлениями, ритуалами и их рефlekсами в обычаях, обрядах и т. п.), а также слоями культуры, имеющими отношение к сюжетам Библии); соотнесение фразеологизмов с кодами культуры, а также выявление роли образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов как знаков языка культуры; определение видов тропов, на основе которых образованы фразеологизмы; классификация фразеологических единиц с учетом их принадлежности к семантическим группам; сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов разных языков.

Результаты и их обсуждение

В результате анализа как первого этапа исследования значения фразеологизмов были выявлены семантические признаки, восходящие к онтологическим свойствам и функциональной нагрузке ворот и дверей, а также закодированные в этих образах сущности, явления и ценности. На основании полученных данных были выделены семантические объединения собранных фразеологических единиц.

Количественное распределение материала исследования по выделенным семантическим группам и доля данных единиц в рамках подкорпуса фразеологизмов, включающих образы дверей и ворот, в каждом из трех языков показаны в таблице.

⁹В современном китайском языке понятие «ворота» представлено как односложным словом 门, так и двусложным 大门. Последнее семантизируется в толковом словаре как ‘главные ворота постройки (например, дома, двора, парка), которые выходят на улицу’ (XDHCD, с. 243).

¹⁰Лексема 户 в современном китайском языке редко используется в первичном значении ‘дверь (одностворчатая)’. Чаще реализуются метонимические производные лексико-семантические варианты ‘семья’, ‘домохозяйство’. Для данного исследования были отобраны фразеологические единицы, в которых лексема 户 используется в значении ‘дверь’.

Распределение фразеологических единиц русского, белорусского
и китайского языков в рамках семантических группDistribution of phraseological units of Russian, Belarusian
and Chinese languages within semantic groups

Название семантической группы	Количество единиц		
	Русский язык	Белорусский язык	Китайский язык
Взаимоотношения и взаимодействие людей	48 (33,6 %)	22 (30 %)	116 (27,2 %)
Пространственные и временные отношения	20 (14,0 %)	6 (8,2 %)	19 (4,5 %)
Статус и уровень благосостояния человека	11 (7,7 %)	8 (11,0 %)	80 (18,7 %)
Физическая и речевая деятельность человека	11 (7,7 %)	6 (8,2 %)	40 (9,4 %)
Интеллектуальная сфера жизни человека	10 (7,0 %)	4 (5,5 %)	8 (1,9 %)
Трудные ситуации и угрозы благополучию	8 (5,6 %)	1 (1,4 %)	36 (8,4 %)
Психофизиологическое состояние человека	7 (4,9 %)	1 (1,4 %)	4 (0,9 %)
Оценка качеств и поведения человека	7 (4,9 %)	14 (19,2 %)	33 (7,7 %)
Область духовной культуры и мировоззрения человека	4 (2,8 %)	5 (6,8 %)	49 (11,5 %)
Внешность человека	4 (2,8 %)	1 (1,4 %)	0 (0 %)
Оценка ситуации, предмета и явления	3 (2 %)	1 (1,4 %)	16 (3,7 %)
Профессиональные навыки и способности человека	0 (0 %)	0 (0 %)	7 (1,6 %)
<i>Всего</i>	<i>143</i>	<i>73</i>	<i>427</i>

В настоящем исследовании приводится лингвокультурологический анализ семи наиболее показательных в количественном отношении семантических групп. Единичные примеры фразеологизмов, которые не вошли в семантические группы, представленные в таблице, составляют от общего количества фразеологизмов 7 % (10 ед.), 5,5 % (4 ед.), 4,5 % (19 ед.) в русском, белорусском и китайском языках соответственно.

Пространственные и временные отношения. Как свидетельствует фразеология трех языков, в народном сознании ворота и двери символически отражают идею размежевания «своей» и «чужой» территории. Двери выступают как символ канала связи с окружающим миром: открытые двери олицетворяют возможность доступа, закрытые – отказ впускать кого-либо в свое пространство. Для русского языка характерны следующие выражения: *открывать/раскрывать/распахивать* и *открыть/раскрыть/распахнуть дверь/двери* (кому, куда) ‘давать свободный, беспрепятственный доступ куда-л., к чему-л.’ (ФССРЛЯ, т. 1, с. 307); *при закрытых дверях* ‘без допуска посторонних; в узком кругу’ (БСРП 2007, с. 175). Аналогичные единицы существуют в белорусском языке: *адчыняць/адчыніць/адкрываць/адкрыць дзверы* (каму, чаму, куды) ‘даваць свабодны доступ; ствараць спрыяльныя ўмовы’ (СФБМ, т. 1, с. 79); *пры зачыненых дзвярах* ‘у прысутнасці толькі зацікаўленых асоб, тайна ад іншых’ (СФБМ, т. 1, с. 371). В китайском языковом сознании дверь символизирует возможность открыться внешнему миру: 门户洞开 ‘совершенно не остерегаться вторжения других стран, не блокировать’ (букв. ‘[все] двери раскрыты настежь’)¹¹ (ЗНСУСН, с. 774).

Образы ворот и дверей соотносят архитектурный код с пространственным, символизируя территориальную приближенность, отражают стереотипное представление о близком расположении чего-либо. Так, русские и белорусские фразеологизмы *ворота в ворота* ‘рядом, близко’ (БСРП 2007, с. 102); *дверь в дверь* ‘в непосредственной близости друг от друга, непосредственно друг против друга (быть, находиться, располагаться)’ (БСРП 2007, с. 175); *жить двери в двери* ‘быть соседями’ (БСРП 2007, с. 174); *дзверы ў дзверы* (ТСБМ, с. 164) основаны на партитивной метонимии (*ворота (дверь)* вместо *дом*). Образ данных фразеологизмов восходит к древнейшей архетипической форме осознания мира, для которой характерна оппозиция «далекий – близкий», тесно связанная с базовым противопоставлением «свой – чужой». Ворота (двери) выступают как граница дома, место соприкосновения пространств двух и более объектов. Взаимная направленность ворот или дверей в данных фразеологических единицах является партитивным аналогом близкого расположения домов, проживания рядом.

В русской и китайской лингвокультурах единицы *ворота* и *дверь* могут метонимически замещать дом или учреждение: *не искать дверей* ‘перестать посещать чей-л. дом’ (БСРП 2007, с. 174); *толкаться*

¹¹Здесь и далее перевод наш. – Н. П.

во все двери ‘обращаться во все инстанции’ (БСРП 2007, с. 175); 门到户说 ‘разъяснять от дома к дому’ (букв. ‘объяснения от ворот до двора’) (ЗНСУСН, с. 774).

В трех рассматриваемых языках дверь является символом метрической сферы, данное слово используется для обозначения не только близкого пространства, но и времени, приближения каких-либо событий. Образ преддверия, пространственно-временного порога или кануна представляют фразеологические единицы у дверей (*быть/стоять/находиться* и т. п.) ‘о приближении, наступлении чего-л.’ (ФССРЛЯ, т. 1, с. 307); *стучаться в дверь/двери* (кого, чью) ‘неуклонно приближаться, надвигаться, наступать’ (БСРП 2007, с. 175); *стукацца ў дзверы* ‘няўхільна наступаць, набліжацца, даючы знаць аб сваім з’яўленні’ (СФБМ, т. 2, с. 648); 双喜临门 ‘в доме одновременно два радостных события’ (букв. ‘у дверей [в доме] двойная радость’) (ЗНСУСН, с. 1101).

Трудные ситуации и угрозы благополучию человека. В китайской языковой картине мира опасности, проблемы и неприятные неожиданности, которые могут быть следствием поведения человека или стечения обстоятельств, а также способы разрешения этих сложностей кодируются в образе дверей. Так, в китайском языковом сознании двери символизируют возможность выхода из сложной ситуации, трудного положения, а их отсутствие или неспособность найти их олицетворяют неразрешимость проблемы: 门门有路, 路路有门 ‘всегда можно найти выход; в конечном итоге есть решение’ (букв. ‘у каждой двери есть дорога, у каждой дороги есть двери’) (YYDCD, с. 498); 进退无门 ‘трудная ситуация, оказаться в безвыходном положении’ (букв. ‘нет дверей, чтобы идти и отступать’) (ЗНСУСН, с. 613).

Окружающий мир за пределами освоенного пространства представляется опасным, пересечение границы символизирует неизбежность возникновения трудностей: 出的门多, 受的罪多 ‘вне дома можно встретить любые трудности, страдания неизбежны’ (букв. ‘чем больше выходишь за двери, тем больше страданий’) (YYDCD, с. 108). Дверь, как отмечалось выше, делит пространство на «свое» и «чужое», однако пребывание в своем пространстве, внутри дома за закрытой дверью не гарантирует безопасность, напротив, отгороженность от внешнего мира сопряжена с непредвиденными угрозами: 闭门家里坐, 祸从天上来 ‘произошла неожиданная беда’ (букв. ‘закрыть дверь и сидеть дома, беда наступает с небес’) (YYDCD, с. 31). В традиционной русской паремиологии образ ворот изначально не ассоциировался с бедой. Современное связанное с ожиданием несчастий значение пословиц *пришла беда – отворяй ворота* (НБТСРЯ, с. 150) и *отворяй ворота беде* (БСРП 2010, с. 157) предположительно является результатом переосмысления компонента *беда* (ранее *бѣда*) ‘повозка’: в словаре В. И. Даля наряду со значениями ‘горе’ и ‘очень’ отмечается значение ‘одноколка, двуколка, кабриолет’ [5, с. 114].

Социальный статус и уровень благосостояния человека. Ворота и двери воспринимаются как «лицо дома», своеобразная «визитная карточка», поскольку это первое, что можно увидеть, приближаясь к жилищу. Так, пословица *по воротам и хозяина видно* (БСРП 2010, с. 157) свидетельствует о тесной ассоциативной связи ворот как символа границ пространства человека с их владельцем: по воротам складывается впечатление о хозяине.

В русской, белорусской и китайской лингвокультурах лексемы *ворота* и *дверь* (в сочетании с элементами других кодов) могут кодировать социальный статус человека. В рамках данной денотативной области мы выделили две смысловые группы единиц, кодирующих высокий социальный статус (*запирать ворота пирогами* ‘жить в достатке, быть богатым’ (БСРП 2007, с. 102); *вароты пірагамі/пірагом падпёрты(я)* (у каго) ‘ўсяго ўволю, колькі хочаш; пра багатае жыццё’) (СФБМ, т. 1, с. 175) или низкий социальный статус (*запирать ворота бороной* ‘жить в крайней бедности’ (БСРП 2007, с. 102)). В китайской фразеологии данная смысловая группа представлена значительно шире. Это обстоятельство обусловлено тем, что в Древнем Китае существовала ранговая дифференциация архитектурных строений, которая отражала принципы государственного устройства, общественных и межличностных отношений, регулируемых правилом цзунь-бэй (разграничением высокого и низкого). Разрыв между высоким и низким социальным статусом владельца подчеркивался строгими иерархическими различиями в конструктивном и декоративном оформлении ворот и дверей. Эти представления отразились и во фразеологии китайского языка. Так, образы ворот, окрашенных в красный цвет (朱门) или сделанных из золота (金门), стали метафорой богатства и знатности. К фразеологическим единицам, кодирующим высокий социальный статус, относятся следующие: 朱门绣户 ‘богатая и знатная семья’ (букв. ‘красные ворота, разукрашенные двери’) (ЗНСУСН, с. 1599); 金门绣户 ‘богатая и знатная семья’ (букв. ‘золотые ворота, разукрашенные двери’) (ЗНСУСН, с. 603). Ворота из хвороста (柴门) и дверь из соломы (蓬户) как традиционный атрибут убогого жилища простолюдина символизируют низкий социальный статус: 蓬户柴门 ‘убогое жилище, жить в нужде’ (букв. ‘дверь из соломы, ворота из хвороста’) (ЗНСУСН, с. 854); 蓬户瓮牖 ‘убогое жилье, низкое материальное положение семьи’ (букв. ‘дверь из соломы, окна из битой черепицы’) (ЗНСУСН, с. 854); 空室蓬户 ‘бедные условия жизни, жить в убогой хижине’ (букв. ‘пустая комната и дверь из соломы’) (ЗНСУСН, с. 665).

Дверь ассоциируется с семьей, родом, генеалогическими связями: 寒门生贵子, 白屋出公卿 ‘в бедных семьях часто рождаются выдающиеся люди’ (букв. ‘[за] холодными дверями рождается благородный сын, в домах с белыми стенами рождаются гуны и цины’) (YYDCD, с. 296).

Образ ворот и дверей отражает, по стереотипным представлениям, имущественный статус человека, обязательно учитываемый при вступлении в брак. Через сопоставление образов ворот или дверей во фразеологизмах китайского языка передается важность равного социального положения в браке: 竹门对竹门, 木门对木门 ‘о равном по общественному положению браке’ (букв. ‘бамбуковая дверь к бамбуковой двери, деревянная дверь к деревянной двери’) (YYDCD, с. 1031); 门当户对 ‘материальное положение и социальный статус мужчины и женщины подходят для вступления брак’ (букв. ‘ворота подходят, дворы соответствуют’) (ЗНСУСН, с. 774).

Выход из одних дверей и вход в другие кодирует ситуацию замужества. Так, во фразеологизме 出一门入一门 ‘женщина развелась и снова вышла замуж’ (букв. ‘выйти из одной двери и войти в [другую] дверь’) (YYDCD, с. 111) пересечение границы «чужого» пространства отражает представление о замужестве, изменении социального положения женщины.

Область духовной культуры и мировоззрения человека. Данная группа фразеологических единиц отражает национально-культурную специфику китайского архитектурного кода. Образ дверей в китайской фразеологии символизируют вхождение человека в духовную сферу: 遁入空门 ‘покинуть дом и принять монашество; скрыться от грешного мира и вступить в буддийскую школу’ (букв. ‘удалиться от мира и войти в ворота пустоты’) (ЗНСУСН, с. 302).

В отдельную подгруппу можно объединить фразеологизмы, в которых дверь символизирует возможность приобщиться к учению. Допуск в свое пространство (открытие дверей) символизирует передачу или распространение истинного знания: 开门受徒 ‘основать свое дело, принимать учеников, передавать мастерство’ (букв. ‘открыть дверь и принять последователей’) (ЗНСУСН, с. 653).

В китайской лингвокультуре лексема 门 ‘ворота (дверь)’ может образно кодировать научную школу, направление: 分门别户 ‘четко разграничивать направления в научной области на основе индивидуальных стилей и взглядов, основывать собственную школу’ (букв. ‘делить ворота, различать двери’) (ЗНСУСН, с. 345); 门户之争 ‘споры между школами’ (букв. ‘борьба ворот и дворов’) (ЗНСУСН, с. 774). В образе фразеологизма 一门同气 ‘близкие отношения и братские чувства между братьями или людьми одной системы взглядов’ (букв. ‘одна дверь, одинаковая духовная близость’) (ЗНСУСН, с. 1405) компонент *дверь* отражает идею единения на основе общих интересов, близости взглядов и духовных идеалов. В белорусской и китайской лингвокультурах используется образ ворот, ведущих в ад (вход в загробный мир, символ смерти) и рай (небесные врата, символ духовного бессмертия): *да некла шырокі варота, а да неба вузкі* (ПП, кн. 2, с. 168); 天堂有路不肯走, 地狱无门自撞入 ‘не бороться за светлое будущее, выбрать смертный путь и несчастную судьбу’ (букв. ‘есть дорога в рай, но человек отказывается по ней идти, нет ворот в ад, но человек сам туда ворвался’) (YYDCD, с. 777). В мифологической картине мира между пространствами жизни и смерти есть четкая граница, которая может воплощаться, в частности, в образе ворот (дверей). Этот образ является символом перехода в загробный мир, откуда нет возврата: *узкая дверь в могилу, а вон – и той нет* (БСРП 2010, с. 235); *шырокія вароты на той свет, ды адтуль не выйсьці* (ПП, кн. 2, с. 418); 进鬼门关 ‘умирать; перенести страдания и трудности’ (букв. ‘войти в ворота заставы бесов’) (НУГYYCD, с. 534).

В китайской фразеологической картине мира с образом дверей связаны философские представления о диалектике счастья и несчастья: 祸与福同门, 利与害同邻 ‘беда и счастье, выгода и бедствия взаимосвязаны и при определенных условиях могут заменять друг друга’ (букв. ‘у несчастья и счастья одни двери, выгода и бедствия рядом друг с другом’) (YYDCD, с. 346). Восприятие дверей как канала, через который счастье и беды проникают в жизнь человека, отражает мифологические представления, где двери обозначают грань между земным и неземным мирами. В белорусском языке существует пословица, в которой счастье приходит через ворота: *борах спіць, а ічасце само к яму пад вароты лезець* (ПП, кн. 2, с. 423).

Физическая и речевая деятельность человека. Во всех исследуемых языках лексема *ворота* встречается во фразеологических единицах, метафорически кодирующих неудачные действия: *заехать не в те ворота* ‘сделать что-л. не так, как следует’ (БСРП 2007, с. 102); *мінаў, мінаў, да не ў тых вароты папаў* (ПП, кн. 1, с. 191); 拜菩萨找错了庙门 ‘найти неправильное место; найти не того человека’ (букв. ‘кланяясь перед бодхисаттвой ошибиться воротами храма’) (YYDCD, с. 19).

Образ ворот используется для характеристики речевой деятельности человека. Части человеческого тела уподобляются дому и его конструктивным элементам, при этом рот образно соотносится с воротами или дверями. В русском и белорусском языках конструкции с отрицательной предикацией выражают невозможность контролировать чужую речь: *рот не ворота, клином (запором) не запрешь* (БСРНС, с. 119); *чужой рот – не свои ворота, не закроешь* ‘невозможно запретить кому-л. говорить,

рассказывать что-л.’ (БСРНС, с. 120); *чужы рот – не свае вароты, не зачыніш* ‘людей не прымусіш маўчаць. Кажуць з неадабрэннем пра распаўсюджванне розных чутак, плётак’ (ТСП, с. 567); *да чужога рота не зробіш варота* (ПП, кн. 2, с. 381).

В китайской фразеологии, напротив, при метафорической предикации преобладают конструкции отождествления (рот – это дверь): 口是祸之门 ‘говоря неосторожно, легко навлечешь беду’ (букв. ‘рот – это дверь беды’) (HYGYCD, с. 583); 舌为利害本, 口是祸福门 ‘разговоры могут принести счастье и пользу, а также беду и вред’ (букв. ‘язык – источник пользы и вреда, рот – дверь к беде и благополучию’) (YYDCD, с. 696). Значение невозможности контроля за своей речью в китайских фразеологизмах кодируется через образ стражи у ворот: 嘴上没有个把门的 ‘говорить что вздумается’ (букв. ‘у рта нет стражи у ворот’) (YYDCD, с. 1044).

Оценка качеств и поведения человека. Фразеологизмы трех языков с компонентом *ворота (дверь)* чаще всего содержат негативную оценку поведения человека и его качеств, проявленных в действии. Образ русских и белорусских спортивных (по сфере образования) фразеологизмов *играть в одни ворота* ‘действовать, поступать в интересах лишь одной стороны’ (БСРП 2007, с. 103); *гуляць у адны вароты* ‘дзейнічаць аднабакова, з непрыманнем чужых поглядаў, інтарэсаў і пад.’ (СФБМ, т. 1, с. 335) основывается на противопоставлении «свой – чужой». Компонент фразеологизма *играть* соотносится с акциональным кодом культуры: игра в восточнославянских культурах с древнейших времен воспринимается как имитация действительности, при этом сама действительность отождествляется с элементами спортивной игры. Образ фразеологизма соотносится также с числовым кодом культуры (*одни*) и в сочетании с компонентом архитектурного кода (*ворота*) выражает совокупность представлений о «своем» пространстве как о главном, наиболее значимом для удовлетворения собственных интересов.

В китайских пословицах лексема 门 ‘дверь’ используется для выражения идеи о том, что привычки и поведение человека предстают в истинном свете только тогда, когда человек находится в «своем» пространстве, ведь в нем он чувствует себя свободным, его поведение ничем не регламентируется, поэтому в личном пространстве могут проявляться негативные качества человека: 关住门子敢骂皇帝 ‘ирон. о человеке, который осмеливается только за спиной ругать влиятельных людей’ (букв. ‘закрыть дверь и осмелиться ругать императора’) (YYDCD, с. 273); 关着大门做皇帝 ‘нелепо превозносить себя’ (букв. ‘за закрытыми воротами быть императором’) (YYDCD, с. 272).

В русской и белорусской языковых картинах мира ворота концептуализируются как границы дозволенного, допустимого в социуме. В обоих языках есть фразеологические единицы, в которых ворота задают рамки приличий: *ни в какие ворота не лезет* ‘очень плохо, никуда не годится’ (ФССРЛЯ, т. 1, с. 171); *не лезе (не лезла) ні ў якія вароты* ‘вельмі дрэнны, не ўкладваецца ў агульнапрынятыя нормы’ (СФБМ, т. 1, с. 641). Данные фразеологические единицы демонстрируют нарушение установленных социокультурных норм приличия.

В китайской лингвокультуре образ закрытых дверей является, помимо прочего, символом оторванности от реальности: 闭门造车 ‘не принимать во внимание реальное положение вещей, занимаясь делами, полагаться лишь на субъективный взгляд’ (букв. ‘делать телегу при закрытых дверях’) (ЗНСУСН, с. 62). Значение данного фразеологизма связано с критической оценкой непрофессиональных действий человека. Работа при закрытых дверях – сложившийся в китайской лингвокультуре эмоционально-образный стереотип субъективизма, неполноты и поверхностности знаний.

В русском и белорусском языковом сознании нерегламентированный вход или выход, осуществляемый не через ворота или двери, кодирует неудачный результат действия (*пришел в дверь, выйдешь в трубу* (БСРП 2010, с. 235)); бесполезность каких-либо действий (*займі чорта ад варот, дык ён цераз плот* ‘гаворыцца пра бескарыснасць якіх-н. дзеянняў, бо яны не дадуць станоўчых вынікаў’ (ТСП, с. 199)); неожиданность появления кого-либо (*ты з варот, а ён цераз плот* ‘кажуць пра таго, хто можа нечакана, непрадбачана аказацца перад кім-н.’ (ТСП, с. 489)); отражает отрицательные качества и неподобающее поведение человека: наглость, самодурство, изворотливость, хитрость (*ворота открыты, а он лезет в подворотню* (БСРП 2010, с. 157); *не хочу в ворота – разбирай забор* (БСРП 2010, с. 157); *выпхнуць яго дзвярыма, то ён акном улезе* (ПП, кн. 2, с. 346); *мы ад варот, а ён чэраз плот* (ПП, кн. 2, с. 306); *мы да варот, а фашыст праз плот* (ПП, кн. 2, с. 546)).

В белорусских фразеологизированных сравнениях со значением бесполезности действия дверь соотносится с антропным кодом культуры через оценочное обозначение дурак: *цягаць, насіць як дурань са ступу (дзверы)* ‘бяссэнсавы, неадарэчны’ (СФБМ, т. 1, с. 394); *насіцца як дурань з дзвярмі (дзвярыма)* ‘пра неадарэчнае перасоўванне з месца на месца грувасткай рэчы; пра празмерную ўвагу да чаго-н. неадарэчнага, неістотнага’ (СБНП, с. 140). В белорусских фразеологизмах *шукаць як дзвярэй у полі* ‘пра марнасць пошукаў чаго-н. там, дзе яго і быць не можа’ (СБНП, с. 127); *мёртвуму хоць варота падапры* (ПП, кн. 2, с. 417) компонент *дзверы (ворота)* формирует эталон нецелесообразности или нелепости действий.

Взаимоотношения и взаимодействие людей. Двери являются одним из важнейших интеркультурных символов, кодирующих возможность (невозможность) коммуникации, объединения, совместной деятельности. Так, открытые ворота (двери) в русском и белорусском языках символизируют гостеприимство, желание вступить в контакт и наладить связь: *держатъ дверь открытой* ‘быть гостеприимным’ (БСРП 2007, с. 175); *для дарагога гасця і вароты насцежэ* (ПП, кн. 1, с. 404).

Архитектурный код китайской лингвокультуры обнаруживает свою специфику: образ открытой двери репрезентирует социальную стабильность (夜不闭户, 路不拾遗 ‘безопасность и великое спокойствие, хороший общественный порядок’ (букв. ‘на ночь не запирают дверей, не подбирать оброненного на дорогах’)) (YYDCD, с. 887)). В семантике данной пословицы воплощены важнейшие для китайской традиционной культуры социальные и духовно-идейные смыслы, значимые для общественного устройства. Образ пословицы восходит к концепции да тун (大同) ‘Великое Единение’, которая была представлена в конфуцианском трактате «Записки о правилах благопристойности» об идеальном обществе: «В эпоху, когда существовал Великий Путь, Поднебесная принадлежала всем. <...> ...Злые козни находились под запретом и канули в прошлое, неоткуда было взяться кражам и мятежам, и дверь за пределы дома не нужно было запирасть. Это и называется миром Великого Единения (大同一 да тун)» [6, с. 34].

Образ закрытых ворот, дверей в трех лингвокультурах символизирует следующие варианты поведения в социуме:

- отказ от потенциальных контактов, лишение каких-либо возможностей: *закрывать/закрыть двери* (перед кем-л., для кого-л.) ‘активно препятствуя, лишая кого-л. возможности что-л. сделать, чего-л. добиться’ (ФССРЛЯ, т. 1, с. 409); *от ворот поворот дать* (кому) ‘решительно отказать кому-л. в чем-л.’ (БСРП 2007, с. 102)¹²; *дзверы зачынены/зачыніліся* (каму, перад кім) ‘хто-н. не мае свабоднага доступу куды-н., пазбаўлены якіх-н. магчымасцей’ (СФБМ, т. 1, с. 371); *ад варот наварот* (каму) ‘рашуча, катэгарычна адмовіць каму-н. у чым-н.’ (СФБМ, т. 2, с. 167); 拒之门外 ‘отказать в переговорах или в ведении общего дела’ (букв. ‘держатъ за дверь’) (ЗНСУСН, с. 643); 闭门谢客 ‘отвергать контакты с внешним миром’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’) (ЗНСУСН, с. 62);

- разрыв уже существующих контактов, нежелание иметь дело с кем-либо: *выбрасывать/выбросить/выкидывать/выкинуть/вышвыривать/вышвырнуть за ворота* (кого) ‘увольнять, лишая работы, места’ (ФССРЛЯ, т. 1, с. 171); *выкідванне за вароты* (каго), *выкідваць/выкінуць за вароты* (каго) ‘звальненне з работы, пазбаўленне сродкаў існавання’ (СФБМ, т. 1, с. 241); 扫地出门 ‘избавиться от всего; лишиться всего семейного имущества и выгнать из дома с пустыми руками’ (букв. ‘подмести и вымести за дверь’) (ЗНСУСН, с. 1005).

В образе закрываемой двери кодируется агрессивное действие по отношению к другому человеку: 关门打狗 ‘окружить противника и нанести удар, не позволять бежать’ (букв. ‘закрыть дверь и избить собаку’) (HYGYCD, с. 383). Закрытые двери символизируют беспомощность и уязвимость изолированного человека. В основном фразеологизмы, включающие образ закрытой двери, передают представление о нанесении ущерба противнику, например русская пословица *ему по-за дверью лоб набили* (БСРП 2010, с. 235).

В русском и белорусском языковом сознании открытость (закрытость) ворот может служить признаком социального разграничения входящих: *на богатого ворота настезь, на убогого – запор* (БСРП 2010, с. 157); *багатага за варотамі сустракаюць, а ад беднага дзверы запіраюць* (ПП, кн. 1, с. 422). Схожие идеи отражены и в китайской фразеологии, где существует фразеологизм, подчеркивающий необходимость соответствия социального статуса во взаимоотношениях людей: 侯门似海 ‘в древние времена ворота знатных семей, местных органов власти строго охранялись, простому человеку было сложно проникнуть; люди, которые в прошлом были знакомы, но потом из-за большой разницы в статусе отделились друг от друга и не могут встретиться’ (букв. ‘ворота знатной семьи подобны морю’) (ЗНСУСН, с. 494). Использование образа закрытых ворот, которые можно открыть только с помощью подношения, демонстрирует стереотипные представления о ситуации вынужденного подкупа в русской и китайской лингвокультурах: *судейские ворота без серебра не отворяются* (БСРП 2010, с. 157); 进奉门户 ‘заниматься шантажом и вымогательствами с помощью всевозможных ухищрений’ (букв. ‘подношение к дверям’) (ЗНСУСН, с. 612). Особенностью китайского языка является наличие метафоры задних дверей: 走后门 ‘использовать личные связи или злоупотреблять служебным положением в корыстных целях’ (букв. ‘идти через заднюю дверь’) (HYGYCD, с. 1351). В силу того, что задний вход невидим для человеческих глаз, задняя дверь символизирует тайный, обходной путь, который может быть использован для достижения цели.

¹² Данный фразеологизм также имеет значение ‘получение отказа при сватовстве’. Он восходит к древнейшей форме канонизированного упорядоченного поведения – к ритуалу сватовства. При отказе со стороны невесты приехавших сватов не пускали в дом, и они вынуждены были поворачивать от ворот [4, с. 499].

В трех лингвокультурах дверь является символом надежды, ассоциируется с местом, где могут помочь: *стучаться в дверь/двери* (кого, чью) ‘обращаться к кому-л. с просьбой, добиваться чего-л.’ (БСРП 2007, с. 175); *стукацца ў дзверы, стукаць у (ва ўсе) дзверы* ‘часто звяртацца з просьбамі да каго-н.’ (СФБМ, т. 2, с. 648); 沿门托钵 ‘повсюду просить милостыню’ (букв. ‘ходить от двери до двери и подносить чашку для милостыни’) (ЗНСУСН, с. 1362).

Для китайского языкового сознания особенно важно восприятие двери как неотъемлемой части дома, придающей оформленность «своему» пространству. Этим объясняется семантическая роль лексемы 门 ‘дверь’ во фразеологизмах, связанных с семьей и близким окружением: 门内之口 ‘члены семьи’ (букв. ‘члены семьи внутри дверей’) (ЗНСУСН, с. 774); 一门百指 ‘семья из десяти человек’ (букв. ‘одна дверь, сто пальцев’) (ЗНСУСН, с. 1405).

В русском и китайском языках лексемы *ворота* (*дверь*) символизируют персональное пространство и границу, соблюдение которой способствует формированию хороших взаимоотношений между людьми: *мети всяк перед своими воротами* (БСРП 2010, с. 158); 各家自扫门前雪, 莫管他家屋上霜 ‘каждый занимается своим делом и не вмешивается в чужие дела’ (букв. ‘каждая семья подметает снег у своих ворот, не заботясь об ином на крыше другой семьи’) (YYDCD, с. 255). Данные пословицы метафорически фиксируют необходимость четкого разделения личных границ и обязанностей.

Во фразеологии всех сопоставляемых языков в образе дверей (ворот) кодируются разнообразные отношения между членами семьи и родственниками: *ворота стоят на двух верях, а дом – на двух головах* (БСРП 2010, с. 157); *з сынам сварыся – за печ бярыся, а з зяцем сварыся да за дзверы бярыся* (ПП, кн. 2, с. 98); 房顶开门 – 六亲不认 ‘человек, который не сходится с людьми, не испытывает привязанности’ (букв. ‘на крыше дома открывать дверь – не признавать близких родственников и друзей’) (ХНХНУСД, с. 87).

В русском языковом сознании отражены древнейшие народные представления о воротах, связанные со свадебным обрядом. Ворота выступают как ритуальная граница, на которой сталкиваются две стороны: «свой» и «чужие». Жених, будучи представителем «чужого» мира, должен был преодолеть ворота как одну из первых границ личного пространства невесты, чтобы породниться с ней и стать «своим»: *закладывать/заложить (заваливать/завалить, заламывать/заломить) ворота* ‘в свадебном обряде: закрывать ворота в дом невесты с целью получения выкупа от жениха; преграждать путь невесте к жениху’ (БСРП 2007, с. 102).

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить следующие сходства реализации архитектурного кода в русском, белорусском и китайском языках (в рамках отдельной группы фразеологизмов): в трех сопоставляемых лингвокультурах ворота и дверь как средства связи с внешним миром реализуют культурную семантику на основе оппозиции «свой – чужой», выполняют роль символа метрической сферы, метонимически замещают дом, выступают как символ перехода из одного состояния в другое, являются частью образной аналогии «рот – дверь (ворота)».

Результаты проведенного исследования позволяют выявить некоторые национально-культурные различия. Для русского и белорусского языков специфичными являются фразеологизмы, в которых ворота указывают на рамки дозволенного и допустимого в обществе. В китайском языке специфику обнаруживают фразеологические единицы, где ворота (дверь) символизируют способ разрешения трудной ситуации, вхождение человека в духовную сферу, а также ассоциируются с семьей, родом, социальным объединением. Обнаружены закономерности и различия в активности единиц *ворота*, *вароты*, 门/大门 и *двери*, *дзверы*, 门/户/门户 при кодировании реальности во фразеологических картинах мира. Так, значительная часть фразеологизмов русского, белорусского и китайского языков, содержащих образы ворот и дверей, характеризуют взаимоотношения между людьми (33,6; 30 и 27,2 % соответственно). В русском языке компоненты *ворота* и *дверь* наиболее частотны при передаче образного представления о пространственных и временных отношениях (14 %); в белорусском языке – при оценке качеств и поведения человека (19,2 %). В китайской лингвокультуре образы ворот и дверей участвуют преимущественно в кодировании социального статуса (18,7 %), явлений из области духовной культуры и мировоззрения (11,5 %), физической и речевой деятельности (9,4 %), трудных ситуаций и угроз жизни человека (8,4 %). В сопоставляемых языках выявлены следующие бинарные отношения между компонентами фразеологизмов *ворота* – *подворотня* (*забор*); *дверь* – *труба*; *вароты* – *плот*; *дзверы* – *окно* (во фразеологизмах, содержащих оппозицию правильного и неправильного входа (выхода)); 户 ‘дверь’ – 牖 ‘окно’; 室 ‘комната’ – 户 ‘дверь’, а также контекстные синонимические пары композитов, характеризующих материал и декоративное оформление ворот и дверей: 朱门 ‘красные ворота’ и 绣户 ‘разукрашенные двери’, 蓬户 ‘дверь из соломы’ и 柴门 ‘ворота из хвороста’ (во фразеологизмах, характеризующих социальный статус).

Сокращения

HYGYCD – 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2009. 1504 页 = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. Пекин: Международ. коммерч. изд-во, 2009; **ХДНСД** – 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 1800 页 = Словарь современного китайского языка. 7-е изд. Пекин: Коммерч. изд-во, 2016. 1800 с.; **ХНХНСД** – 新华歇后语词典 / 温端政主编. 北京: 商务印书馆, 2008. 646 页 = Словарь недоговорок-иносказаний / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. Пекин: Коммерч. изд-во, 2008. 646 с.; **УУДСД** – 谚语大词典 / 高歌东主编. 2版. 成都: 四川辞书出版社, 2022. 1049 页 = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. 2-е изд. Чэнду: Сычуань, 2022. 1049 с.; **ЗНСУСН** – 中华成语辞海 / 编委会主任陈霞村. 长沙: 湖南教育出版社, 2013. 1796 页 = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. Чанша: Хунань, 2013. 1796 с.; **БСРНС** – Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: Олма медиа групп, 2008. 800 с.; **БСРП 2007** – Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: Олма медиа групп, 2007. 784 с.; **БСРП 2010** – Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: Олма медиа групп, 2010. 1023 с.; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Рипол-Норинт, 2008. 1534 с.; **ПП** – Приказки і прымаўкі: у 2 кн. / рэдкал.: А. С. Фядосік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 2 кн.; **СБНП** – Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Маціенка. Мінск: Беларус. навука, 2011. 482 с.; **СФБМ** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск: БелЭн, 2008. 2 т.; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад. рэд. К. К. Атраховіча. Мінск: БелСЭ, 1978. 5 т.; **ТСП** – Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.; **ФССРЛЯ** – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. 2 т.

Библиографические ссылки

1. Гудков ДБ, Ковшова МЛ. *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. Москва: Гнозис; 2007. 285 с.
2. Ляшчынская ВА. Дзверы – сімвальны кампанент фразеалагізмаў архітэктурна-домаўладкавальнага кода культуры. У: Ермакова АМ, рэдактар. *Скарынаўскія традыцыі: гісторыя і сучаснасць. Частка 1*. Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны; 2015. с. 194–202.
3. Стоянова Е. *Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации*. Шумен: Епископ Константин Преславски; 2013. 276 с.
4. Телия ВН, редактор. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Москва: АСТ-пресс книга; 2014. 784 с.
5. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1, А–З*. Москва: Рипол Классик; 2006. 752 с.
6. Сы Баофэн, Хуан Жунхуа, составители. *В этикете ици опору. «Три книги о ритуале»: «Чжоу ли», «И ли», «Ли цзи»*. Ольховская ЕВ, Кочмина СА, переводчики. Москва: Шанс; 2023. 280 с.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024.
Received by editorial board 03.07.2024.